

выхолащиванием самой сущности научного знания, ведет к его скатыванию в околонучные рассуждения. Последний рождает феномен отчуждения — превращения метода из средства в цель. Единственный путь избежания подобного рода перекосов — это путь середины, меры, путь диалога. Творческий акт осуществляется в некотором промежутке между хаосом и порядком. Не существует универсальной логики открытия, как и не существует формулы научного успеха. Творческий процесс всегда в определенной мере иррационален. М. Борн писал: «Я убежден, что в науке нет философской столбовой дороги с гносеологическими указателями. Нет, мы находимся в джунглях и отыскиваем свой путь посредством проб и ошибок, строя свою дорогу позади себя, по мере того, как мы продвинулись вперед» [16]. Поэтому цель гуманитарного образования не сводится к привитию готовых навыков, ею может быть только воспитание творческой личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. См.: Дж. Реале, Д. Антисери. Западная философия от истоков до наших дней. Т. 2. Средневековье. СПб., 1995. С. 212-219.
2. См. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М., 1993. С. 196.
3. См.: Дильтей В. Введение в науки о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории // Собр. соч. Т. 1. М., 2000.
4. См.: Виндельбанд В. Избранное. Дух истории. М., 1995.
5. См.: Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. // Культурология. XX век: Антология. М., 1995. С. 69-104.
6. См.: Огурцов А. П. Дисциплинарная структура науки: Ее генезис и обоснование. М., 1988. С. 217.
7. Трельч Э. Историзм и его проблемы. М., 1994. С. 236.
8. Серебряный С. Д. К истории русского словосочетания «гуманитарные науки» и его аналогов. Заметки филолога // Вестник РГГУ. 1996. № 3. С. 29-32.
9. Там же. С. 22-34.
10. Фромм Э. Психоанализ и этика. М., 1993. С. 25.
11. См. Библер В. О. О гражданском обществе и общественном договоре // Через тернии к звездам. М., 1990. С. 357.
12. Лешкевич Т. Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 20-21.
13. Современный философский словарь / Под ред. д. ф. н., проф. В. Е. Кемерова. М., 1996. С. 282.
14. Вартофский М. Эвристическая роль метафизики в науке // Структура и развитие науки. М., 1978. С. 109-110.
15. Лешкевич Т. Г. Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 20-21.
16. Борн М. Эксперимент и теория в физике // УФН. 1958. Т. 66. Вып. 3. С. 374.

*Алексей Игоревич ПАВЛОВСКИЙ —
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук*

УДК 171

ИНДИВИД В ЭТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ПУТИ¹

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются возможности релятивистской этики и границы, в которых полагается человеческое поведение, соответствующее субъективистской интерпретации должного.

¹ Данная статья написана в русле авторского исследования, посвященного этическим проблемам. Первая монография, которая обобщает исходные положения этого исследования, в настоящий момент готовится к печати.

The author investigates the possibilities of relative ethics and human behavioral bounds that correspond to the subjective interpretation of the probable.

История человечества демонстрирует нам беспомощность человеческого разума в построении совершенного общества, основанного на идеальном этическом проекте. Христианская инквизиция и исламский терроризм, фашизм и коммунизм — все эти общественные феномены стали неудачными попытками воплощения гуманистических идеалов, извращенных в ходе их практического применения для создания общества, в котором сущее совпадает с должным.

Универсальность этой проблемы показывает нам, что дело тут вовсе не в несовершенстве отдельных идеологических проектов или скрывающихся за ними этических систем, а в самой природе наиболее распространенного понимания этического как совокупности конкретных, универсальных норм, обязательных для исполнения всеми членами общества. Нормативная этика, требующая от индивида подчинения содержащимся в ней практическим требованиям, относящимся к поведению и восприятию мира, и является виновницей чудовищных преступлений против человечества, осуществленных великими преобразовательными проектами.

Нормативная этика выражает мораль, которая существует в виде совокупности универсальных этических предписаний и в этом качестве носит надличностный характер, она укоренена в культуре общества и является ее квинтэссенцией, содержащей в себе базовые ментальные представления данной духовной традиции. Главной антитезой морали является нравственность, несущая в себе внутренние представления индивида о должном. Противостояние этих феноменов было впервые четко обозначено еще Г. Гегелем, который понимал под моралью преходящий, условный продукт коллективной человеческой воли, а под нравственностью — непосредственно проявляющееся в человеке представление о должном, носящее универсальный характер.

С этой позицией великого философа можно согласиться только частично. Мораль действительно является продуктом коллективного творчества некой общности людей, которую они навязывают всем остальным, в то время как за «внутренним» представлением индивида о должном не скрывается никакой универсальности, и само это представление выступает субъективным, а значит, столь же условным и преходящим с объективной точки зрения, как и мораль.

Поэтому столкновение морали и нравственности суть противостояние двух условных феноменов духовной жизни, в котором первый имеет на своей стороне массовую поддержку представителей данного общества, а второй — внутреннюю субъективную убедительность для самого человека, в душе которого и происходит это «противостояние». В данном случае мораль, по сути, навязывается индивиду обществом, и поэтому для нее всегда существует опасность стать феноменом, полностью обусловленным силой общества и его способностью заставить его членов выполнять предписанные им нормы. Но подобное положение — слабость для морали, ибо она признает себя чем-то внешним по отношению к человеку, то есть полностью уступает нравственности господство над его внутренним миром. Это путь к разрушению общественного духовного единства.

Поэтому в рамках нормативной этики общественные идеологи (моралисты) и стремятся сформировать устойчивую систему взглядов, целью которых является истолкование предлагаемой им обществу морали и, в первую очередь, конкретное обоснование ее норм. Существует несколько типов обоснования морали, в зависимости от которых можно определять несколько различных нормативных этик морали. Потребность обоснования морали требует поиска объективно-

го основания, который может быть истолкован в качестве источника существования моральных норм. Можно выделить трансцендентную этику (моральные нормы являются выражением воли трансцендентного начала: личного или безличного), социальную этику (общество является источником моральных норм), натуралистическую этику (природный мир (биологическая природа человека) обуславливает мораль), личностную этику (основанием морали выступает универсализованный личный интерес человека, который в рамках этой этики считается базовым для всех людей).

Ни одна из этих этик не может убедительно доказать обоснованность своих претензий. Трансцендентная этика наталкивается на проблему непознаваемости трансцендентной воли, социальная этика не может преодолеть множественности этических парадигм различных обществ, натуралистическая оказывается несостоятельной по причине невозможности сведения духовного мира человека к его биологическим основаниям, а личностная приходит к дилемме между обоснованностью базового этического принципа и возможностью его привязки к реальной человеческой жизни.

Все это и позволяет нам говорить об условности и необъективности любой системы моральных норм, которая хотя и выполняет в обществе необходимую функцию поддержания духовного единства, не может быть принята в качестве основополагающего мерила поведения. Мораль выступает для человека внешним фактором социальной среды, одним из внешних обстоятельств, которые определяют условия осуществления его выбора и поведения.

Отказ от нормативной этики приводит к необходимости построения релятивистской этики, утверждающей полную относительность всех этических норм, задаваемых внутренними представлениями человека. В релятивистской этике отрицается существование единых, универсальных, общеобязательных норм, универсальными являются лишь формальные правила построения представления о должном, в соответствии с которыми каждое волящее Я само выступает в качестве источника представлений о должном в своем собственном духовном пространстве.

Вместе с тем, во внутреннем опыте человека можно установить две независимые базовые этические позиции, которые противоречат друг другу, но обе имеют обоснования в фундаментальных фактах нашего внутреннего опыта.

Одна из этих позиций — субъективная — утверждает изначальную первичность человеческого Я в деле построения должного, что объясняется внутренней достоверностью его существования и истинностью его установок для человека. Подобной внутренней убежденности в правильности каких-либо иных установок человек достичь не может.

Вторая из этих позиций — объективная — утверждает первичное равноправие всех волящих личностей, каждая из которых не может быть признана ни лучше, ни хуже другой ввиду отсутствия общего содержательного критерия для их сравнения. Вместе с тем, объективная позиция может быть полностью проведена только абстрактно; введение любого волящего Я сразу же нарушает это равноправие, потому что с его точки зрения волящие Я не являются равноправными, а его собственное волящее Я имеет несомненный приоритет перед всеми остальными.

Субъективная и объективная позиция противостоят друг другу, при этом обе они обладают определенной экзистенциальной достоверностью. Также несомненен в нашем внутреннем опыте и приоритет субъективной позиции над объективной, что проявляется в человеческой неспособности последовательно стоять на позиции объективности в тех событиях и обстоятельствах, которые его лично касаются. Почти полная объективность возможна только по отношению к проблемам, в которые данный индивид не вовлечен, является для них независимым наблюдателем.

Природы субъективной и объективной позиции принципиально различны. Субъективная позиция, основывающаяся на первичности волящего Я в духовном опыте каждого конкретного человека, делает категорию Я одной из ключевых в этике, одним из базовых конструктов этического сознания. Проблема с ее пониманием связана как с полной субъективностью ее содержания, так и с множеством искажающих факторов, которые это понимание значительно затрудняют.

Одним из таких искажающих факторов является привычка поиска за внутренним нравственным чувством некоего универсального содержательного основания. Эта гегелевская установка сохраняется в современной этике и значительно усложняет ее задачу. Вторым фактором является неизбежное влияние на внутренний мир человека сообщества окружающих его людей, но этот фактор может быть адекватно понят только в рассмотрении самого генезиса Я.

Формирование Я связано со становлением человека. Оно происходит в результате самоупорядочения во внутреннем мире человека стереотипов поведения, заимствованных этим человеком во внешнем мире. Именно результат этого самоупорядочения — система ценностей — и является тем самым человеческим Я, которое генерирует исходную волю человека, формируя его представления о должном. Внутри формируемой системы представлений можно выделить представления различной степени общности, которые соответствуют различного размера и статуса общностям внутри общества, индивидуальны только комбинация этих представлений и их ценностная структура.

Столкновение волящего Я с миром (не-Я) и, прежде всего, с человеческой частью этого мира выливается в конфликт, в ценностное противостояние человека с общественной моралью. Этот конфликт может носить для человека как внутренний, так и внешний характер, в зависимости от того, как соотносятся силы человека и мира. При преобладании человеческой воли конфликт становится внешним, и в ходе него индивид станет активно навязывать свою волю миру. При преобладании коллективной воли мира конфликт становится внутренним, подавление человеческого Я миром выражается в появлении в его внутреннем мире особого феноменального образования — личности.

Личность раскалывает внутренний мир человека, создает в нем второй, альтернативный Я, источник действующей воли. Это приводит к удвоению всех оценок и одновременному существованию во внутреннем опыте двух альтернативных стратегий жизни, основанных на различных системах ценностей.

Раскол внутреннего мира является трагедией для человека, так как в результате этого раскола он не только утрачивает связные представления о должном, о себе и своем месте в мире, но оказывается под властью личности, то есть начинает воплощать в жизнь установки окружающего его общества, принимая их за свои. При этом воля Я не бывает полностью подавлена, она прорывается в представления путем осознания неудовлетворенности собой и своими действиями, причиняя человеку страдания.

Правильное понимание этой проблемы и путей ее преодоления связано с четким познанием чуждости нашему внутреннему миру навязанной нам личности, ее враждебности естественным целям и желаниям Я. Уничтожение в себе личности является важнейшим направлением этического самосозидания, целью которого выступает преодоление раскола внутреннего мира, возвращение к исходному состоянию доминирования Я, которое некогда было свойственно человеку.

Именно наличие личности затрудняет для человека правильное понимание собственного Я, его установок и побуждений, поэтому для отделения собственного от навязанного зачастую необходима длительная внутренняя практика самопознания.

Объективная позиция, в свою очередь, основана на признании индивидом равноправия всех волящих Я, существующих в мире. Это признание осуществляется на основании принципа территории, результатом последовательного применения чего является разделение мира на суверенные «зоны», каждая из которых выступает сферой исключительной ответственности одного из индивидов, и чести, определяющей рамки взаимодействия между владельцами этих «зон». Таким образом, категории «территория» и «честь» также базовые понятия всякого этического сознания.

Применение принципа территории оказывается возможным благодаря составности человеческого общества, которое всегда может быть разделено на совокупность самодостаточных индивидов, обладающих некоей долей общего мира. Территорию не следует понимать пространственно, так как такое ее понимание значительно ограничено невозможностью четкого проведения пространственной границы между владениями отдельных людей. Таким образом, территория является виртуальным феноменом, она очерчивает сферу возможного действия данного индивида, включая в себя ту совокупность возможных действий, которые он может совершить.

Основная формулировка принципа территории утверждает, что всякое действие может быть совершено только при согласии всех лиц, которые материально или физически в него вовлечены. Всякое иное вовлечение не считается основанием для участия в определении права на совершение действия.

Честь описывает нашу взаимосвязь с другими людьми на основании долга, который возникает вследствие взятия нами на себя обязательств по отношению к другому человеку как за некоторые его действия по отношению к нам, так и просто по нашему внутреннему желанию. Существенно, что в случае наличия этих его действий, в благодарность за которые и возникает наш долг, наше обязательство, «запускающее» долг, должно предшествовать совершению этим человеком данных действий и быть свободным проявлением нашей воли, а не вынужденным давлением этого человека признанием. Данное пояснение необходимо, чтобы подчеркнуть, что никакие действия другого человека и никакие наши статусные и прочие отношения не являются сами по себе основанием для долга. Долг возникает только вследствие нашего свободного выбора. Причем свободным должно быть не только принятие долга, но и принятие того поступка, за который мы потом будем испытывать долг, что делает сам этот поступок совершенно вторичным по отношению к акту нашего волеизъявления.

Наши обязательства несводимы ни к Я, ни к территории, так как их посредством мы предоставляем другому часть нашей территории на основании нашего свободного волеизъявления, причем это предоставление становится объективным фактом нашей жизни, детерминирующим извне наше поведение, а не чисто субъективной интенцией.

Обязательства наши перед другими людьми в их конкретном воплощении имеют вполне определенные пределы, которые полагаются понятием о форс-мажоре и оправдываются нашим искренним стремлением выполнить взятое на нас обязательство, несмотря на все существующие препятствия.

В социальной перспективе исходное противоречие может быть преодолено воспитанием, в рамках которого в Я подрастающего индивида целенаправленно внедряются объективные представления о территории и чести, но это преодоление неосуществимо в экзистенциальном плане. Конкретное Я может быть нечестным и не соблюдающим принцип территории. В этом случае преодоление противоречия осуществляется только полным разведением субъективной и объективной оценок.

В этом случае субъективная оценка приобретает приоритет в сфере действия, что предопределено приоритетом субъективной позиции как таковой во внутреннем мире человека. Объективная же оценка становится преобладающей в сфере оценки индивидом совершенного им действия. Человек поступает субъективно, несмотря на противоречие с объективной позицией, но оценивает свое действие как произвол Я по отношению к объективности. Таким образом, возводится внутреннее ограничение человеческого поведения, ставится преграда для неправомерной объективации, когда индивид воспринимает свою субъективную позицию как объективную, что заметно искажает его правильное понимание собственных действий и разрушает правильную оценку.

Подобная позиция является для этического сознания абсолютной, она позволяет человеку сочетать две точки зрения на совершаемое действие, понимая принципиальное различие их природы. Главным препятствием к подобному «двойному зрению» является культивируемое в нашей культуре стремление к объективности, которое реально не может быть проведено на практике. Человек не может поступать объективно, его задача понимать степень своей субъективности.

Необходимо четко осознавать, что мы обречены на ту или иную субъективность, которую мы проявляем, и поэтому нужно принять ее как факт нашей жизни, не внушая себе неуверенности ненужными сомнениями.

Субъективность человека проявляется не только в субъективности его заброшенности в мир, но и, главным образом, в индивидуальности его системы ценностей, которая, таким образом, генерирует индивидуальную волю. Предел индивидуальной воли выступает как цель жизни данного человека, так как предназначением каждого индивида и является полное воплощение воли его Я, которое стремится к означенному пределу.

Цели жизни человека не только различны, но и могут носить разный характер. В зависимости от различия этого характера можно выделять высоких и низких людей. Цель высокого человека абстрактна, она предстает для него как творческий принцип переустройства мира. Цель низкого человека конкретна, она представляет собой совокупность частных целей, которые он хочет достичь в результате своей жизни.

Различие характера целей жизни определяет различие роли высоких и низких людей в развитии общества. Высокий человек является его главным двигателем, все его действия, по сути, являются созидательными, так как, даже разрушая общественный порядок, высокий человек при этом ориентируется на создание нового общественного порядка, представляющего творческую альтернативу первому. Низкий человек не способен выступить двигателем общественного развития, его действия носят по преимуществу разрушительный характер, а если когда и используются в созидательной роли, то только потому, что они были направлены в это русло творческой энергией высокого человека.

Низкие люди состоят из двух частей: довольной и недовольной. Довольные низкие люди, чьи частные цели вполне могут быть реализованы в данном общественном состоянии, пребывают в состоянии социальной пассивности, ограничиваясь реализацией собственных целей. Их разрушительная роль проявляется в том, что благодаря этому активность общества рассеивается и утрачивает сосредоточенность на единой значимой цели. Недовольные низкие люди, чьи частные цели не могут быть реализованы в данном общественном состоянии, активно генерируют ненависть и разрушение, но, не обладая творческой способностью переустройства общества, они направляют эти негативные импульсы на произвольные объекты, выражая таким образом свое неприятие внешнего мира. Наиболее злобной частью недовольных низких людей являются аутсайдеры, выпав-

шие из своего социального окружения или времени, именно они наиболее активно разрушают основы общественного порядка, ошибочно усматривая в этом возможность решения своих проблем.

Аутсайдеры могут стать ударной силой политического переворота, способного привести к власти самые чудовищные режимы, которые черпают свою репрессивную силу в злобе и человеконенавистничестве аутсайдеров.

Надо отметить, что большинство общественных конфликтов, выливающих в политическое противостояние, в основе своей обусловлены этическими конфликтами, они зиждутся на принципиально различных подходах к пониманию должного. Некогда единое общество, объединенное единой национальной культурой, в своем развитии неизбежно дифференцируется и распадается на общности, различающиеся собственными системами этических представлений, разделяемыми их членами. Именно эти общности и являются потенциальными участниками всех общественных конфликтов. Для актуального участия такое общество должно обрести институционализацию, объединиться вокруг лидера-моралиста, сформулировавшего ценностно-мировоззренческое кредо общности. Вокруг таких моралистов, которые выступают медиаторами существующих в обществе представлений, и объединяются массы людей, что предопределяет различную роль высокого и низкого человека (первый играет по преимуществу роль моралиста-медиатора, а второй — инструмента его творческой активности).

Вместе с тем, нельзя говорить об этической предпочтительности высокого человека низкому, честного — бесчестному, соблюдающего территорию — не соблюдающему ее. Выбор собственного Я находится вне возможности самого этого Я, что подразумевает предопределенность нашей роли в общественном развитии, которую невозможно изменить, но которую можно сыграть максимально качественно.

*Юрий Альфонович КИЛИС —
доцент кафедры философии и социально-
гуманитарных дисциплин
Омского государственного института сервиса,
кандидат философских наук*

УДК 1:001.8

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ И ГАРМОНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается роль противоречий и гармонии в процессе развития. Особое внимание уделяется степени обоснованности диалектической теории в аспекте онтологизации и универсализации ею роли противоречий. Опираясь на собственную концепцию, автор показывает социальные последствия, к которым приводит различное понимание источника развития.

The author considers the role of contradictions and harmony for the process of development and focuses predominantly upon the level of philosophical grounding assigned to the ontological and universal role of contradiction. Having attracted his own theoretical approach the author makes obvious social consequences that come as a result of a discrepancy in the perception of the development source.

Диалектика настаивает на том, что универсальной причиной развития является наличие, обострение и конфликтное разрешение противоречий, которые